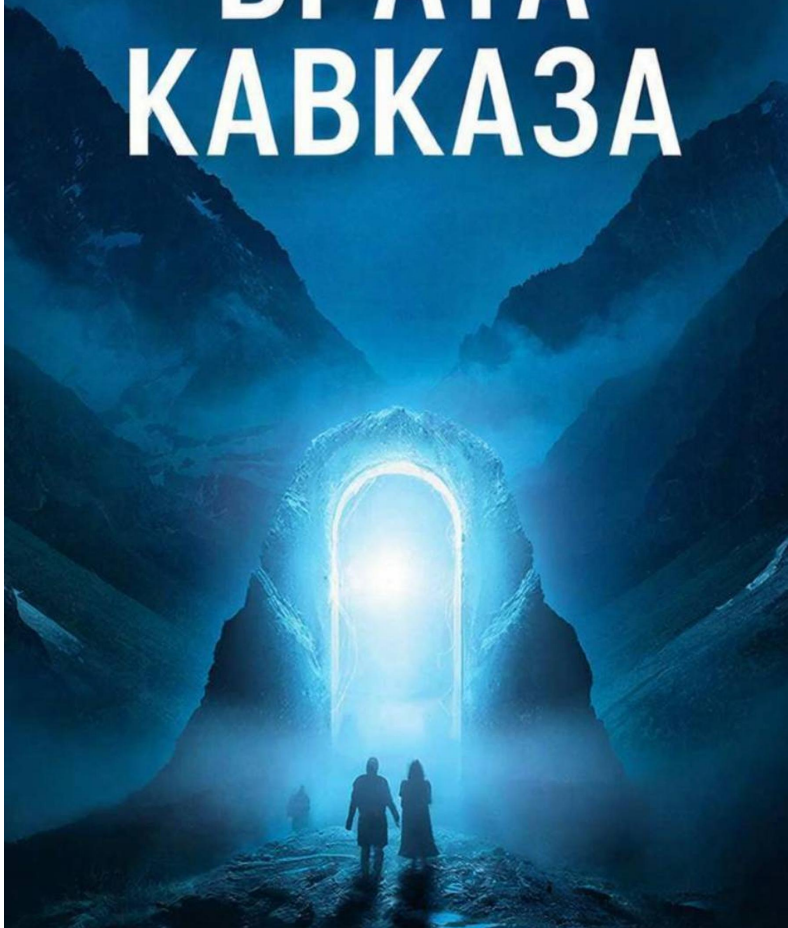

ВРАТА КАВКАЗА

Константин Жарких

Врата Кавказа

Серия «Симфония миров», книга 1

<https://litres.ru/73832156>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1991 году четверо друзей отправляются в поход по Кавказу, следуя за загадочным проводником Ибрагимом. Их путь лежит к таинственной воронке, излучающей голубой свет и источающей древний гул. Здесь, на границе миров, герои сталкиваются с Шамбалой — городом-архивом, где время замерло, а обитатели обречены на вечный покой без покоя. Чтобы спасти друзей и разгадать тайну этого места, им предстоит пройти через лабиринт отражений, сразиться с собственными страхами и сделать выбор между славой, знанием и человечностью. В эпицентре событий — чёрный куб, сердце мира, способное как даровать бессмертие, так и уничтожить всё живое. Роман сочетает мистику, научную фантастику и напряжённую драму о цене мечты и силе человеческого духа.

Константин Жарких

Врата Кавказа

Часть первая. Песни спящих гор.

Глава 1. Вокзал

Воздух пах нагретым асфальтом, шашлыком из ближайшей закусочной «У Ашота» и пылью, которая веками оседала в щелях перрона. На вокзале Пятигорска царила привычная, почти уютная суета. Из репродуктора, хрипя и кашляя помехами, донёсся голос диктора: «...поезд номер 625 Москва — Кисловодск прибывает на...». Фраза оборвалась треском статического электричества, но смысл был ясен всем. Прибытие.

Сергей, высокий парень с копной непослушных русых волос, которые не поддавались никакой расческе, стоял, приклонившись к бетонной опоре навеса. Он с преувеличенным вниманием изучал карту Кавказского хребта, расстеленную прямо на своих коленях. Карта была старой, доставшейся от деда.

— Так, мужики! — громко объявил он, перекрикивая вокзальный гул и гудки маневрового тепловоза. — Согласно последним данным разведки, а именно — моему гениальному тактическому плану, мы через три часа будем на месте. Ставим палатки, разводим костёр по-пионерски, жарим мясо. И никаких этих ваших городских штучек.

— Каких штучек? — флегматично спросил Андрей. Он поправлял ляжку огромного рюкзака «Ермак», на котором, казалось, можно было перевезти небольшой диван. Андрей был полной противоположностью Сергею: спокойный, основательный, с внимательным взглядом человека, который привык замечать мелочи и делать выводы. Он был мозгом группы.

— Ты про душ? Или про туалет не под кустом? — продолжил Андрей с едва заметной усмешкой.

— Я про «Книгу жалоб и предложений», которую ты вечно таскаешь! — Сергей ткнул пальцем в сторону Витька.

Витёк, щуплый очкарик в нелепой панаме цвета хаки, которая была ему явно велика, вздрогнул и инстинктивно прижал к груди свой потрёпанный блокнот в кожаном переплёте. Он до этого момента молча сверялся со списком снаряжения, бормоча себе под нос.

— Это не для жалоб! — возмутился он тонким голосом. — Это научный дневник! Я фиксирую маршрут, атмосферное давление... Влажность воздуха... Это данные!

— И количество комаров на квадратный метр! — заржал Сергей так громко, что на него обернулась проходящая мимо женщина с клетчатой сумкой. — Витёк, мы идём в поход за романтикой и приключениями! Расслабь булки! Это Кавказ! Тут надо пить вино из пиал и петь песни у костра!

Катя, единственная девушка в группе, которая до этого стояла чуть в стороне и курила «Родопи», глядя на всю эту

суету с лёгкой снисходительной усмешкой, затушила сигарету носком белого кроссовка «Адидас». Она была красивой той неброской красотой, которая не сразу бросается в глаза: тёмные волосы собраны в тугой хвост, в глазах читалась усталость и ум.

— Хватит собачиться, мальчики. Реальность зовёт.

Из-за поворота с лязгом и шипением показалась зелёная змея электрички. Вагоны были раскалены южным солнцем до такой степени, что над ними дрожало марево. Они медленно ползли вдоль перрона.

— А где Ибрагим? — Андрей снова оглядел толпу прибывших. Его взгляд скользил по лицам — усталым, сонным, радостным. Но знакомой фигуры не было. — Он же должен был нас встретить у первого вагона.

— Придёт, куда денется, — Сергей небрежно свернул карту в рулон и сунул её в боковой карман своего рюкзака. Рюкзак у него был поменьше и поновее, чем у Андрея. — Старый хрыч небось опять свои амулеты на удачу перебирает. Или козу режет во славу горных духов.

Катя бросила на него строгий взгляд:

— Не смейся над ним. Он местный. Знает эти горы лучше, чем ты свой паспорт.

— Мой паспорт я знаю наизусть только потому, что меня с ним в ментуру часто забирают для установления личности! — отшутился Сергей.

Андрей цыкнул на него:

— Тише ты. Не накликай.

Двери вагона с шипением открылись. Пассажиры хлынули на перрон — живой поток из отпускников с авоськами дынь, военных в форме и бабушек с внуками. В этом хаосе было легко потеряться.

Андрей ещё раз осмотрел вокзал и заметил его.

Сухой, жилистый старик в старой солдатской плащ-палатке поверх выцветшего ватника стоял у газетного киоска и спокойно пил чай из металлического подстаканника. Он не смотрел в их сторону. Казалось, он был частью вокзала — такой же вечный и неподвижный, как бетонные колонны.

— Вон он, — тихо сказал Андрей и кивнул в его сторону.

Ибрагим допил чай одним глотком так громко, что было слышно даже через шум толпы. Он аккуратно поставил подстаканник на прилавок киоска «Союзпечать», вытер губы тыльной стороной ладони и только потом медленно повернулся к ним. Его тёмное, морщинистое лицо было непроницаемой маской.

— Здравствуй, Ибрагим! — Катя первой нарушила молчание и подошла к нему. Она искренне улыбнулась старику. — Как дорога? Не сильно устал?

Ибрагим кивнул ей в ответ. Его взгляд был цепким и тяжёлым, как два речных камня. Он молча окинул взглядом всю их компанию: задержался на огромном рюкзаке Андрея (одобрительно), скользнул по блокноту Витька (с сомнением) и надолго остановился на Сергее.

Сергей же расплылся в своей фирменной широкой улыбке и протянул руку:

— Ибрагим! Салам алейкум! Да мы тише воды, ниже травы! Правда, Витёк? Мы же паиньки?

Витёк нервно кивнул из-за плеча Сергея:

— Здравсьте...

Ибрагим руки не подал. Он лишь медленно покачал головой и сказал что-то на своём языке — гортанно и резко. Слова были незнакомыми, но интонация была понятна без перевода: это было предостережение или проклятие.

Сергей театрально вздохнул:

— Ну вот, опять двадцать пять. Дедушка сегодня не в духе? Погода плохая? Луна не в той фазе?

Ибрагим развернулся и пошёл к выходу с вокзала своей характерной походкой — прямой спиной, не торопясь, но так целеустремлённо, что обогнать его было невозможно. Это был их сигнал следовать за ним.

Группа подхватила рюкзаки. Вес снаряжения тут же дал о себе знать: Витёк пошатнулся под тяжестью своей ноши (которая была явно больше его самого), Андрей крикнул, поправляя лямки так, чтобы центр тяжести сместился ниже.

— Тяжело в учении — легко в бою, — пробормотал Сергей и подмигнул Кате. — Ну что, красотка? Готова стать легендой советского альпинизма? Я слышал, тут медведи водятся. Будешь моей дамой сердца?

Катя лишь закатила глаза и пошла следом за Ибрагимом.

Старик уже растворился в толпе у выхода на привокзальную площадь, направляясь к автобусной остановке с покосившейся крышей.

Автобус оказался старым «ЛиАЗом», который внутри пах бензином, пылью и застарелым потом. Они заняли задние сиденья — самое козырное место по мнению Сергея.

— Ну что? — спросил он у всех сразу, когда автобус тронулся с места с натужным рёвом двигателя. — Кто первый признается Кате в любви?

Андрей молча смотрел в окно на проплывающий мимо город-курорт: белые санатории «Ленинские скалы», цветочные клумбы у бюветов минеральной воды... Витёк уткнулся в свой блокнот, делая пометки о температуре воздуха (+32 в тени) и влажности (низкая). Катя закрыла глаза и откинула голову на спинку сиденья.

Сергей же не унимался:

— Нет-нет-нет! Так дело не пойдёт! Мы неделю будем жить в одной палатке! Интрига должна умереть! Я вот считаю...

— Сергей помолчи ради бога! Дай поспать! — оборвала его Катя, не открывая глаз.

Сергей театрально прижал руку к груди:

— Ранен! Смертельно ранен в самое сердце!

Автобус трясся по разбитым дорогам кавказского предгорья около часа. За окном пейзаж менялся: ухоженные парки Пятигорска сменились сначала полями подсолнухов и куку-

рузы, а затем дорога пошла вверх, в горы. Пейзаж стал суровее: скалы поросли колючим кустарником (держи-дерево), деревья стали ниже и корявее.

Наконец автобус свернул с трассы на просёлочную дорогу и остановился у подножия горы Чегет.

— Конечная! Приэльбрусье! — хрипло объявил водитель через древний микрофон.

Ибрагим первым прыгнул с подножки автобуса на каменистую землю. Он даже не стал дожидаться остальных. Группа выгрузилась следом за ним.

Здесь воздух был другим. Чище. Холоднее. И пах он иначе: сухой пылью, нагретым камнем и чем-то ещё... чем-то неуловимо сладким и терпким, как полынь или мёд диких пчёл.

— Ну что? — Сергей потянулся до хруста в суставах и вдохнул полной грудью. — Вот это я понимаю! Воздух свободы!

Андрей уже деловито осматривал склон горы через маленький бинокль.

— Ибрагим! Какой у нас маршрут? По северному склону или через ущелье?

Старик молча указал посохом на едва заметную тропу, уходящую вверх между двумя огромными валунами.

— Туда пойдём? Там же ничего нет! — удивился Витёк, сверяясь с картой Сергея. На его карте этот склон был отмечен как непроходимый обрыв.

Ибрагим впервые за всё время посмотрел прямо на Андрея. Его взгляд был тяжёлым.

— Туда нельзя ходить простым людям. Там плохое место. Духи гор спят там очень чутко.

— Опять двадцать пять! — фыркнул Сергей. — Дедушка Ибрагим у нас сегодня шаман? Будем отгонять злых духов бубном?

Андрей положил руку Сергею на плечо:

— Помолчи. Он знает эти горы лучше нас всех вместе взятых. Если он говорит «нельзя», значит есть причина.

Сергей скинул руку Андрея со своего плеча движением плеча:

— Да ладно тебе! Я просто спросил маршрут! Мы же взрослые люди... почти все.

Он повернулся к Ибрагиму с обезоруживающей улыбкой:

— Слушай, отец... А может... может мы просто одним глазком глянем? Что там такого страшного? Может там... ну не знаю... золото инков спрятано? Или клад Ермолова?

Ибрагим медленно перевёл свой тяжёлый взгляд с Сергея обратно на Андрея. В его чёрных глазах-сливах не было ни злости к шутнику Сергею, ни страха перед неизведанным. В них была лишь вековая усталость горца-пастуха и бесконечная печаль человека, который видел слишком много смертей в этих горах.

— Там нет золота инков. Там нет клада Ермолова. Там есть то... что хуже смерти для живых людей. Там есть веч-

ный покой без покоя.

Витёк нервно поёжился от этих слов так сильно, что его панама съехала набок ещё сильнее:

Катя посмотрела сначала на Сергея с его мальчишеским азартом в глазах («вызов принят»), потом на серьёзного Андрея («надо слушать проводника»), потом на испуганного Витька («хочу домой к маме»). Она сделала шаг вперёд:

— Мы пойдём туда, куда вы скажете. Мы вам доверяем.

Ибрагим посмотрел на неё долгим взглядом профессионала, оценивающего новичка:

— Мудрое решение для женщины с глазами воина.

Он снова указал своим старым деревянным посохом с выжженными узорами на тропу правее той опасной расщелины:

— Пойдём по старой тропе пастухов. Дольше на час пути. Но безопаснее для тех... кто слышит песни гор.

Сергей разочарованно вздохнул так громко, что это было похоже на стон раненого бизона:

— Эххх... А я уже настроился на приключения...

Группа выстроилась цепочкой для подъёма: впереди Ибрагим (как всегда бесшумно ступая по камням), за ним Андрей (как надёжный замыкающий авангард) рядом с Катей (держась чуть позади проводника), потом Витёк (бормочущий что-то себе под нос про «неучтённые переменные») и замыкал шествие Сергей (насвистывающий какой-то браваурный мотивчик и пинающий мелкие камешки с тропы).

Они начали подъём. Солнце начало клониться к закату раньше времени из-за высоких пиков вокруг. Тени от скал стали длинными и зловещими, словно пальцы невидимых гигантов, тянущиеся к путникам.

Через два часа пути они вышли к месту первого привала — небольшой ровной площадке под скальным навесом, которую местные пастухи называли «приютом». Здесь уже были следы старых кострищ и аккуратно сложенный из камней очаг, почерневший от копоти за многие годы.

Ибрагим молча сбросил свой небольшой, но, видимо, очень тяжёлый рюкзак и начал собирать хворост для костра из сухой колючки, росшей по склонам. Андрей тут же принялся помогать ему ставить палатки (две трёхместные). Сергей достал гитару из чехла:

— Ну что? Раз уж без золота инков обошлось... то хотя бы песни у костра будут?

Витёк достал из рюкзака котелок и армейскую тушёнку со сгущёнкой:

— Я могу гречку сварить с тушёнкой... И сгущёнку на десерт.

Катя села на большой валун у края площадки и посмотрела вниз. Отсюда открывался захватывающий вид на долину: лоскутное одеяло полей уходило вдаль к горизонту, где синели другие вершины Кавказского хребта. Солнце садилось прямо за самую высокую из них — двуглавую вершину Эльбруса, окрашивая её снежные шапки в нежно-розовый и баг-

ровый цвета.

Вечер опустился быстро. Костёр трещал, выбрасывая снопы искр в быстро темнеющее небо. Сергей пел что-то из Высоцкого хриплым, но приятным голосом. Витёк помешивал кашу в котелке, бормоча про «калорийность» и «температуру кипения на высоте». Андрей проверял крепления палаток в свете фонарика.

Ночь была абсолютной. Тьма казалась плотной, почти осязаемой. В этой тишине раздавались только треск костра, далёкий вой шакала (или ветра?) и тихий звон гитары. Катя первой забралась в палатку. Андрей дежурил у костра последним, подбрасывая ветки в угасающее пламя.

В три часа ночи Катя проснулась от странного звука. Это был не вой ветра и не треск веток в костре. Это был низкий, утробный гул, который шёл словно бы из-под земли. Он вибрировал, отдаваясь дрожью в костях. Звук длился несколько секунд и стих так же внезапно, как и начался.

Катя выглянула из палатки. Андрей сидел у почти погасших углей и напряжённо всматривался в темноту на севере. Он тоже это слышал.

Глава 2. Тропа, которой нет

Утро было холодным и ясным. Воздух, который вчера пах пылью, теперь пах свежестью, мокрым камнем и обещанием дождя. Туман, густой, как молоко, затопил ущелье внизу, скрывая мир под белым одеялом. Казалось, что их лагерь на

скальном уступе — это остров в море облаков.

Сергей проснулся первым и уже успел развести костёр из углей, оставшихся с ночи. Он сидел на корточках, подбирая в пламя тонкие веточки держи-дерева, и насвистывал какой-то бравурный марш.

— Подъём, сони! — крикнул он в сторону палаток. — Каша стынет! Витёк, ты там не задохнулся от своих формул?

Из палатки показалась взлохмаченная голова Андрея. Он молча кивнул Сергею и пошёл к краю площадки, чтобы оценить погоду. Его движения были выверенными и экономными, как у человека, который не тратит энергию попусту.

Витёк выбрался наружу, щурясь от яркого света. Он тут же достал свой блокнот и термометр.

— Температура плюс восемь, — пробормотал он. — Влажность девяносто два процента. Ночью был туман... очень странный. Я не успел записать показания.

Катя вышла из палатки, на ходу заплетая волосы в косу.

— Что значит «странный»? — спросила она.

— Он был... тёплым, — Витёк выглядел смущённым. — И светился. Очень слабо, голубоватым светом. Я думал, мне кажется.

Все замолчали. Сергей перестал свистеть. Андрей, который как раз вернулся от края, посмотрел на Ибрагима. Старик молча паковал свой нехитрый скарб. Он слышал весь разговор.

— Это огни Эльбрус-цаки, — не оборачиваясь, сказал Иб-

рагим. Его голос был тихим, но в утренней тишине прозвучал отчётливо. — Духи гор танцуют. Плохая примета.

— Ну вот опять! — Сергей всплеснул руками. — То песни спят, то танцуют! Может, они нам ещё и чаевые должны? Мы же туристы!

Ибрагим медленно повернулся. Его взгляд был тяжёлым. — Туристы уходят. Паломники остаются.

Завтрак прошёл в тишине. Даже Сергей не шутил, сосредоточенно выскребая кашу из котелка. Напряжение, зародившееся ночью с этим низким гулом и рассказом Витька о светящемся тумане, висело в воздухе.

После завтрака Ибрагим повёл их дальше. Тропа стала круче. Теперь они шли по узкому карнизу, прижимаясь спиной к холодному камню скалы, а под ногами у них была лишь пустота и ключья уходящего тумана.

Витёк шёл в середине цепочки. Он то и дело сверялся с картой Сергея.

— Слушайте... — его голос дрогнул. — Тут ошибка. На карте этот склон отмечен как отвесная стена. Обрыв триста метров. Мы... мы не должны здесь идти.

Сергей хмыкнул:

— Карта устарела, очкарик! Или просто дед нашёл обходной путь.

— Нет, — Витёк был непреклонен. Он остановился, заставив Катю налететь на него сзади. — Я перепроверил координаты по компасу три раза. Мы должны упереться в сте-

ну.

Андрей подошёл к Витьку и заглянул в карту через его плечо. Затем он молча посмотрел вперёд. Тропа уходила за поворот скалы и скрывалась из виду.

Ибрагим остановился и подождал их. Когда группа поравнялась с ним, он просто сказал:

— Тропа появляется для тех, кому суждено по ней идти.

Сергей фыркнул:

— Звучит как дешёвая цитата из фантастики.

Они пошли дальше. За поворотом тропа действительно стала шире и вывела их на небольшое плато. И здесь они увидели то, от чего у Витька отвисла челюсть, а Катя тихо ахнула.

В скале зияла огромная дыра. Карстовая воронка идеально круглой формы, около пяти метров в диаметре. Её края были оплавлены и гладки, как стекло. Это было похоже не на природное образование, а на след от удара гигантского лазера или приземления летающей тарелки из старых фильмов.

Но самое невероятное было внутри.

Из провала шёл свет. Не яркий, а мягкий, пульсирующий свет, похожий на тот, о котором говорил Витёк. И вместе со светом шёл тот самый низкий гул, который разбудил Катю ночью. Он был тише, но ощущался всем телом как вибрация.

Сергей подошёл к самому краю и заглянул вниз.

— Ого! — выдохнул он. — Парни! Там внизу... там целый мир!

Он был прав. Это была не просто яма. Это был вертикальный срез реальности. Внизу виднелись кроны гигантских деревьев из света, переплетённые ветви которых образовывали купол над поляной из светящейся травы.

Витёк подбежал к краю и замер.

— Это невозможно... Гравитация... Визуальная глубина... Это противоречит всем законам...

Ибрагим встал между ними и провалом.

— Это Врата, — сказал он глухо. — Дверь туда, куда живым путь заказан.

Сергей усмехнулся и присел на корточки у самого края:

— Ну-ну... А выглядит как приглашение на вечеринку.

Он подобрал маленький камешек и бросил его вниз.

Камешек полетел... но не упал. Достигнув границы света и тени, он замедлился, словно попал в густой кисель, а затем его падение стало горизонтальным. Он заскользил вдоль стены воронки по спирали вниз, пока не исчез в светящейся дымке у самого дна.

В этот момент гул усилился на долю секунды. Свет внутри воронки мигнул в такт вибрации.

Ибрагим резко схватил Сергея за шиворот и оттащил от края.

— Не буди то, что спит внизу! — прошипел он с яростью, которой никто от него не ожидал.

Группа стояла у края невероятного разлома в реальности. Никто не говорил ни слова.

Слова Ибрагима — *«Не буди то, что спит внизу»* — повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как горный туман. Никто не решался их нарушить. Даже Сергей, чьё лицо обычно не покидала ухмылка, выглядел подавленным. Он молча отряхнул куртку в том месте, где её сжал старик, и отошёл от края воронки, не сказав ни слова.

Витёк, бледный как полотно, сделал несколько шагов назад, споткнулся о камень и чуть не упал. Андрей поймал его за локоть.

— Спокойно, — тихо сказал он. — Держи себя в руках.

Катя смотрела не в яму. Она смотрела на Ибрагима. В его позе, в том, как он стоял — напряжённый, как натянутая струна, — было что-то новое. Не просто усталость. Страх. Старик боялся не их глупости. Он боялся того, что они уже сделали, просто придя сюда.

— Что это было? — её голос прозвучал неожиданно громко в наступившей тишине. — Что это за свет? И этот... гул?

Ибрагим медленно повернулся к ней. Его глаза, казалось, постарели ещё на сто лет.

— Это Врата, — повторил он глухо. — Дверь в Шамбалу. В Город Богов.

Сергей фыркнул, но в его смехе не было и тени былой бравады.

— Шамбала? Серьёзно? Дед, ты пересмотрел «Индия-ТВ»? Это же сказки для пионеров.

— Это не сказки, — голос Витька дрожал, но он смотрел

прямо на Сергея. В его глазах больше не было страха, только лихорадочный блеск научного открытия. — Вы видели это? Физика этого места... она нарушена. Камень не упал! Он полетел *вбок*! Это... это антигравитация локального действия. Или... или искривление пространства.

Он повернулся к Андрею:

— Ты же видел? Это не может быть оптической иллюзией.

Андрей кивнул, не сводя взгляда с провала.

— Я видел.

— И что теперь? — Катя снова взяла инициативу в свои руки. — Мы просто... развернёмся и уйдём? Сделаем вид, что ничего не было?

Ибрагим посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Это было бы мудро.

— Мудро? — Сергей снова обрёл дар речи, но теперь в его тоне звучала не насмешка, а обида и гнев. — Мы перлись сюда столько часов по жаре! Я чуть не сдох под этим чёртовым рюкзаком! И теперь ты говоришь «уходите»? Из-за какой-то светящейся дырки в земле?

Он подошёл к самому краю и пнул камень, который с сухим стуком улетел в обычную темноту провала, не попав в поле света.

— Видите? Обычная яма! Просто вы все наложили в штаны от страха!

— Сергей, отойди от края! — рявкнул Андрей так резко и властно, что все вздрогнули.

Сергей замер с поднятой ногой, затем медленно отступил назад. Он никогда не слышал, чтобы Андрей так кричал.

В повисшей тишине стало слышно, как ветер воет в скалах. И где-то глубоко внизу... едва различимо... снова раздался тот самый низкий гул. Он был тихим, но вибрация прошла по камням под их ногами.

Ибрагим закрыл глаза и что-то прошептал на своём языке. Это звучало как молитва.

Витёк подошёл к самому краю светового пятна и присел на корточки. Он не заглядывал вниз. Он водил ладонью над границей света и тени, словно пытаюсь почувствовать тепло или магнитное поле.

— Здесь перепад температур, — бормотал он себе под нос. — И... ионизация воздуха повышена...

Катя посмотрела на Андрея. Он стоял неподвижно, как скала, и смотрел на Врата. В его взгляде была не только тревога. Там был интерес. Тот самый интерес учёного, который видит то, что не вписывается ни в одну известную ему теорию.

Она всё поняла без слов.

— Вы ведь не уйдёте, да? — тихо спросила она, хотя ответ был очевиден.

Андрей медленно покачал головой:

— Я должен знать.

Витёк поднялся на ноги. Его лицо было решительным.

— Я тоже.

Сергей посмотрел на них троих, потом на Ибрагима, который продолжал беззвучно молиться, и наконец на пульсирующий голубой свет внизу.

— Чёрт с вами! — сплюнул он. — Если я останусь один на один с медведями из-за того, что вы струсили... я вас не прощу!

Катя улыбнулась уголком губ:

— Значит, решено.

Ибрагим открыл глаза. В них была облегчённость.

— Тогда слушайте меня внимательно. То, что вы хотите сделать... это путь в один конец для таких, как вы.

Он указал посохом на узкую тропинку, которая серпантинном уходила вниз по внутренней стене воронки.

— Там есть спуск. Он приведёт вас в долину. Но помните: там нет времени в нашем понимании. Там нет боли... но нет и радости. Там есть только покой. Вечный покой.

Он посмотрел на каждого из них по очереди.

— Если вы спуститесь... вы уже не будете прежними. А может... вы уже не вернётесь вовсе.

Он замолчал.

Никто не сказал ни слова возражения.

Первым шагнул к тропе Андрей. Проверил ногой опору, кивнул сам себе и начал спуск.

За ним последовал Витёк, постоянно бормоча что-то про «коэффициент преломления».

Катя бросила последний взгляд на мир вверху — на серое

небо и холодные скалы — и тоже начала спускаться.

Сергей постоял секунду, глядя им в спину, затем смачно выругался себе под нос и полез следом.

Ибрагим остался один на краю плато. Он смотрел, как их фигуры становятся всё меньше и меньше, пока не превращаются в крошечные точки на фоне гигантского светящегося диска Врат.

Ветер трепал его старую плащ-палатку.

Он знал то, чего не знали они.

Он знал, что Врата открылись не случайно.

Он привёл их сюда.

Глава 3. Спуск в Эдем

Спуск был похож на погружение в сон. Или в кошмар. Стены воронки, гладкие и оплавленные, словно великан провёл по скале гигантским утюгом, уходили вертикально вниз, теряясь в пульсирующем голубом сиянии. Воздух здесь был другим. Он стал густым, сладким и абсолютно неподвижным. В нём не было ни запаха пыли, ни аромата хвои — лишь приторная, почти удушливая сладость, похожая на запах переспелых фруктов, готовых вот-вот забродить.

Сергей спускался первым, матерясь вполголоса каждый раз, когда осыпавшиеся из-под его ботинок камешки не падали вниз, а улетали куда-то вбок, нарушая все законы физики.

— Чёрт! Вы это видели? — крикнул он вверх, повиснув

на одной руке и пытаюсь удержать равновесие. — Камень полетел *вбок*! Какого хрена тут творится?

— Не ори! — шикнул на него Андрей, который спускался следом. Его голос был спокойным, но пальцы, вцепившиеся в выступ скалы, побелели от напряжения. — Хочешь, чтобы эта хрень обвалилась нам на головы?

— Да я просто... — Сергей осёкся. Его нога соскользнула. Он с громким вскриком заскользил вниз, обдирая ладони о шершавый камень.

— Сергей! — Катя, спускавшаяся последней, замерла от ужаса.

Но падение длилось всего секунду. Что-то невидимое мягко, но непреклонно замедлило его скольжение, а затем плавно вернуло обратно к стене. Сергей повис на страховочной верёвке (которая, как им казалось, не натянулась ни на миллиметр), судорожно хватая ртом густой воздух.

— Твою мать... — прохрипел он. — Что это было?

Витёк, который спускался между Андреем и Катей, лихорадочно строчил что-то в своём блокноте, подсвечивая страницу фонариком.

— Гравитационная аномалия... — бормотал он. — Локальное поле... векторное смещение... Это невозможно! Это противоречит третьему закону Ньютона!

— Витёк, заткнись и иди! — рявкнул Андрей. — Потом будешь свои законы писать!

Они продолжили спуск в звенящей тишине, нарушаемой

лишь тяжёлым дыханием и шорохом осыпающихся камней. Свет внизу становился всё ярче, он уже не просто пульсировал, а заливал всё вокруг нереальным, больничным сиянием.

Прошло около получаса (хотя никто из них не мог сказать наверняка), и их ноги наконец коснулись дна.

Они стояли на идеально ровной поверхности из материала, похожего на тёмное стекло. Оно было тёплым и слегка вибрировало под ногами в такт низкому гулу, который шёл отовсюду и одновременно ниоткуда.

Перед ними раскинулась долина.

Это был не лес и не сад. Это было нечто среднее, созданное по законам иной геометрии. Гигантские деревья с гладкими, словно полированными стволами уходили на невообразимую высоту, их кроны сплетались в единый купол высоко над головой. Но листвы не было. Вместо неё ветви были усеяны мириадами светящихся кристаллов, которые и давали этот ровный голубой свет.

Под ногами пружинил мох — мягкий, как персидский ковер, и светящийся изнутри слабым зеленоватым светом. Воздух был абсолютно неподвижен.

И тишина... Это была самая пугающая часть. Абсолютная, ватная тишина. Не было слышно ни пения птиц (да и были ли тут птицы?), ни стрекота насекомых, ни шелеста ветра в кронах. Только низкий, вибрирующий гул самой земли.

Сергей первым нарушил молчание. Он сделал несколько шагов вперёд по светящемуся мху и громко топнул ногой:

— Эй! Ау! Есть тут кто живой? Гул на мгновение стал громче, словно мир недовольно вздохнул.

— Не кричи! — прошипела Катя. Она обхватила себя руками за плечи, словно ей было холодно, хотя воздух был тёплым. — Здесь... жутко.

Андрей подошёл к одному из деревьев и приложил ладонь к стволу. Он был тёплым и гладким.

— Оно живое... — прошептал он с благоговением и страхом.

Витёк уже достал термометр и блокнот.

— Плюс двадцать два градуса по Цельсию... Влажность... Влажность сто процентов! Но я не вижу источников воды... И этот гул... Частота примерно... — он замер с открытым ртом.

Впереди, между стволами деревьев-гигантов, что-то двигалось. Какая-то тень. Высокая и стройная.

Все четверо замерли.

Из-за дерева вышла фигура. Это был человек. Мужчина лет сорока в потрёпанной штормовке и старых горных ботинках. Его лицо было загорелым и обветренным до такой степени, что кожа казалась дублёной. Но самое странное было не это. Его глаза... В них не было зрачков. Они светились мягким белым светом, как у кошки в темноте.

Он остановился в десяти шагах от них и молча смотрел. Он не улыбался и не хмурился. Его лицо было абсолютно бесстрастной маской.

Сергей нервно сглотнул:

— Э-э-э... здрасьте? Мы тут... это... заблудились немно-
го...

Человек не ответил. Он просто стоял и смотрел на них своими светящимися глазами.

В этот момент Андрей понял:

Они были здесь не одни.

Глава 4. Зов гор

Воздух в редакции газеты «Столичный вестник» пах дешёвым табаком, бумажной пылью и вечным разочарованием. Катя Леонова сидела за своим рабочим столом — старым, с облупившимся лаком и шатающейся ножкой, под которую был подложен том Большой Советской Энциклопедии — и смотрела на лист бумаги так, будто он был виноват во всех её бедах.

На столе лежала папка с материалами для статьи. Сверху, на первом листе, каллиграфическим почерком секретаря было выведено: **«О передовом опыте столовой №42 треста столовых Октябрьского района»**.

— Господи, какая тоска... — простонала она, откидываясь на спинку стула, который тут же угрожающе закрипел. — Я пять лет училась на журфаке, чтобы писать про нормы раскладки мяса в котлетах?

— А ты думала, будешь сразу брать интервью у Горбачёва? — хмыкнул Паша из-за соседнего стола, стряхивая пепел

в стеклянную банку из-под болгарского компота. Он дымил «Беломором», игнорируя все запреты. — Добро пожаловать в реальный мир, Катя. Тут платят не за правду, а за выполнение плана. А про котлеты план есть.

Катя вздохнула и поправила очки в дешёвой оправе. Она была красива той усталой красотой интеллектуалки, которая слишком много читает и слишком мало спит. Тёмные волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбилось несколько прядей.

— Мне нужна сенсация... — она махнула рукой. — Ладно. Кафе номер три: «У Михалыча». «Уютная атмосфера и приветливый персонал». Напишу.

Её взгляд упал на стопку папок в углу стола. Это был её личный архив. Расследования, которые редакция зарубила. Статьи «не в формате». Правдоискательство, которое никому не было нужно.

На верхней папке аккуратным почерком было выведено: **«Зеркало». Проект Волкова»**.

Она открыла папку. Внутри были копии старых документов, вырезки из научных журналов конца 80-х (тиражи были мизерными, и она чудом нашла их в библиотеке), обрывки слухов. Проект по изучению квантовых аномалий, который внезапно закрыли, а все данные засекретили так плотно, что даже её дар находить информацию в самых тёмных углах Ленинки не помог раскопать ничего существенного.

— Секретные разработки? Зона 51? — поддел её Паша,

заметив, что она отвлеклась.

— Отвали, — беззлобно огрызнулась Катя. — Это интереснее, чем твоя «Уютная атмосфера».

В этот момент дверь кабинета открылась, и заглянула секретарша главного:

— Леонова! К шефу! Срочно!

В кабинете главного редактора пахло крепким чаем из подстаканника и властью. Сам шеф, грузный мужчина с седыми висками, листал свежий номер «Огонька».

— Садись.

Катя села на стул для посетителей.

— Я прочитал твой черновик про столовую.

— И?

— Говно, — спокойно сказал шеф, не глядя на неё. — Скучно. Пресно. Ни одной живой эмоции. Ты пишешь так, будто тебя заставляют под дулом пистолета.

Катя вспыхнула:

— Ну извините! Это не моя тема! Дайте мне что-то реальное! Расследование! Интервью!

Шеф наконец поднял на неё взгляд. В его глазах плясали весёлые искорки.

— Реальное? Хорошо. Будет тебе реальное. Не для печати, конечно. Так, для души.

Он выдвинул ящик стола и бросил на стол перед ней тонкую картонную папку без надписей.

— Что это?

— Дело о пропаже роты солдат. Чегемское ущелье, 1948 год. КГБ проводило расследование. Дело закрыто «в связи с невозможностью установления причин». Папка списана в архив, но она... странная.

Катя открыла папку. Внутри были пожелтевшие от времени листы с грифом «Совершенно секретно». Сверху лежала фотография: склон горы, палатка, припорошенная снегом, и надпись карандашом на полях: «Лагерь пуст. Следы обрываются».

— Найди мне что-нибудь об этом, — сказал шеф. — Копни поглубже. Если найдёшь что-то жареное... я подумаю о том, чтобы дать тебе нормальную колонку.

Катя вышла из кабинета, прижимая папку к груди. Пыл про котлеты с пюре испарился без следа.

«Реальное дело», — прошептала она себе под нос.

Её глаза горели азартом.

Две недели спустя. Москва.

Квартира Кати Леоновой на окраине Москвы, в типовой панельной девятиэтажке, напоминала архив провинциального музея, в который попала бомба. Единственная комната была завалена горами библиотечных подшивок, пожелтевшими газетами «Правда» и «Известия», а также картами Генштаба, которые она чудом выпросила в деканате под предлогом курсовой работы по экономической географии.

Воздух был спёртым, пропитанным запахом крепчайшего чая из большой эмалированной кружки и книжной пыли.

Она не спала почти двое суток.

Катя сидела на полу, скрестив ноги по-турецки, и в сотый раз перечитывала пожелтевшую страницу из папки с грифом «Совершенно секретно». Это была копия отчёта КГБ, датированная октябрём 1948 года. Сухой, казённый язык не мог скрыть леденящего ужаса, стоявшего за словами.

«Объект: Исчезновение 1-й роты 3-го батальона N-ской горно-стрелковой дивизии. Дата: 14.02.1948. Место: Чегемское ущелье, квадрат 17-8.»

Обстоятельства: Рота под командованием капитана Соколова была направлена на поиски пропавшей ранее геолого-разведывательной группы. Последний сеанс радиосвязи — 18:14. Фраза капитана: «...не ищите нас... мы нашли дом...»

Обнаружение: 16.02.1948 поисковый отряд обнаружил базовый лагерь роты. Палатка стояла, полевая кухня уже остыла. Личное оружие, боеприпасы, противогазы — всё на месте. Следы сорока двух человек обрываются на ровном участке заснеженного плато, как будто... (слово зачёркнуто) ...как будто они испарились в воздухе. Радиационный фон в норме».

Внизу страницы стояла размашистая, нервная подпись красным карандашом: ****«ПРЕКРАТИТЬ ПОИСКИ! ДЕЛО ЗАСЕКРЕТИТЬ ПОСТОЯННО!»****

Катя отложила лист и взяла в руки другую фотографию из той же папки. На ней был тот самый лагерь: брезентовая па-

латка, припорошенная свежим снегом, и тёмное пятно кострища. На снегу вокруг палатки не было ни единого следа, кроме тех, что вели к ней и... обрывались.

«...не ищите нас... мы нашли дом...».

Эта фраза не давала ей покоя. Она звучала так... по-человечески. Не как военный рапорт, а как испуганный шёпот человека, столкнувшегося с чем-то абсолютно иррациональным.

Её взгляд упал на газету «Советский спорт», лежащую на полу. Внизу последней страницы, мелким шрифтом в разделе «Клубы и секции», она нашла то, что искала.

«Клуб любителей туризма «Горизонт» приглашает в поход выходного дня по Северному Кавказу. Маршрут: Чегемское ущелье — поляна Чегет. Проводник — Ибрагим Т.»

Внутри у Кати всё сжалось от предчувствия.

Чегемское ущелье.

Это было то самое место.

Она нутром чуяла связь между пропавшей ротой 1948-го, делом «зеркало» из её личного архива и этим объявлением.

Она сорвала с холодильника один из множества магнитов в виде сувенирных открыток, схватила ручку и переписала номер телефона на полях газеты «Правда».

Через три дня ей удалось дозвониться из телефона-автомата на углу. Хриплый, усталый голос на том конце провода ответил после пятого гудка.

— Слушаю.

— Здравствуйте. Я по объявлению. О походе в Чегемское ущелье.

На том конце провода повисла долгая пауза, прерываемая лишь треском помех.

— Вы журналистка? — голос не спросил, он констатировал факт.

Катя вздрогнула.

— Да... Откуда вы...

— Приходите в среду. В семь вечера. Клуб «Горизонт». Спросите Ибрагима.

В трубке раздались короткие гудки.

Катя повесила трубку на рычаг тяжёлого чёрного телефона-автомата. В мутном стекле будки отражалось её бледное лицо.

— Ты сошла с ума, — прошептала она своему отражению.

Отражение смотрело на неё с упрямой решимостью.

— Может быть, — ответила Катя, выходя из душной будки на свежий воздух. — Но это единственная реальная история, которая мне попала за пять лет учёбы.

Она поправила шарф и пошла к метро, навстречу ветру и тайне, которая ждала её в горах.

Глава 5. Теорема о невозможном

Москва. Главный корпус МГУ на Ленинских горах.

Воздух в аудитории №315 пах мелом, старой бумагой и тихим отчаянием. За окном цвела сирень, но здесь, в цар-

стве физики, время, казалось, остановилось где-то в эпоху Эйнштейна.

Виктор Петрович Трофимов (для друзей — просто Витёк) стоял у доски, сжимая в руке кусок мела так, будто это был последний артефакт погибшей цивилизации. Перед ним, за длинным столом, сидела комиссия. Лица профессоров были непроницаемы, как сфинксы.

— ...Таким образом, — голос Витька слегка дрожал, но он заставил себя продолжать, — на основе расчётов квантовой флуктуации в замкнутых системах я пришёл к выводу, что теоретически возможно существование локальных аномалий пространственно-временного континуума. Проще говоря...

— Проще говоря, молодой человек, — перебил его председатель комиссии, грузный профессор с седой бородой, в которой застрял крошечный кусочек мела с прошлой лекции, — вы утверждаете, что телепортация возможна?

В аудитории повисла тишина. Было слышно, как за окном на ветке дерева чирикает воробей.

— Не совсем телепортация в бытовом понимании, — Витёк поправил очки, которые тут же съехали на кончик носа. — Это скорее... прокол. Искривление метрики. Как если бы вы сложили лист бумаги и проткнули его иглой.

Профессор вздохнул и снял очки, чтобы протереть их платком. Этот жест не сулил ничего хорошего.

— Трофимов... Виктор. Ваша курсовая работа по термо-

динамике была блестящей. Лучшей на потоке. Но это... — он махнул рукой в сторону формул на доске, покрывавших её от края до края. — Это уже не физика. Это научная фантастика.

— Но расчёты верны! — в голосе Витька впервые прозвучала нотка обиды. — Я проверил всё трижды! Энергетические затраты колоссальны, но принцип...

— Принцип противоречит здравому смыслу и всем известным нам законам сохранения! — отрезал другой профессор с задней парты. — Вы хотите защитить диплом магистра с этой... гипотезой? Мы не можем допустить вас к защите.

Витёк молча смотрел на доску. Формулы, выведенные его аккуратным почерком, казались ему сейчас не стройным доказательством, а бессмысленной вязью.

«Научная фантастика».

Он вышел из аудитории, сжимая под мышкой папку с диссертацией. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, похожим на звук крышки гроба, опускающейся на его научную карьеру.

Он шёл по гулкому коридору университета, где ещё вчера чувствовал себя гением, а сегодня стал посмешищем. Он был слишком умён для этого места. Слишком смел в своих теориях для закостенелой академической среды.

Вдруг он услышал всхлип.

На широком подоконнике у окна сидела девушка в джин-

сах и простой рубашке. Она курила в приоткрытое окно (явно нарушая правила) и смотрела на него с сочувствием.

— Провал? — спросила она.

Витёк остановился.

— Они назвали это «научной фантастикой», — глухо сказал он.

Девушка затушила сигарету о подошву кроссовка и выбросила окурочек на улицу.

— Меня Катя зовут. Я с журфака. Пишу про студентов-новаторов для стенгазеты.

Витёк горько усмехнулся:

— Боюсь, моя история не для стенгазеты. Она для палаты номер шесть.

Катя спрыгнула с подоконника и подошла к нему.

— А ты расскажи мне её по-человечески. Без формул. Что ты пытался доказать?

И он рассказал. О проколах пространства. О том, что реальность может быть не такой прочной, как кажется. О том, что теоретически можно «сложить» пространство и перейти из точки А в точку Б мгновенно.

Катя слушала молча, не перебивая. В её глазах не было насмешки или скуки. В них был интерес.

— Звучит безумно, — сказала она наконец. — Но... невероятно красиво.

Она достала из сумки папку с газетными вырезками.

— А я тут копаюсь в одном старом деле КГБ. Пропажа

роты солдат в горах в 1948 году. Следы просто оборвались на снегу. Как будто они... испарились.

Витёк взял одну из вырезок дрожащими руками. Он пробежал глазами текст, и его взгляд загорелся тем самым лихорадочным блеском, который так пугал профессоров.

— Это оно... — прошептал он. — Это не просто исчезновение. Это доказательство!

Катя улыбнулась:

— Так что, Трофимов? Поможешь журналистке Леоновой написать самую безумную статью в истории советской прессы? Или так и будешь плакать над своей диссертацией?

Витёк посмотрел на неё, потом на папку со своим «позором» под мышкой.

— Я в деле.

Глава 6. Тень горы

Весна 1986 года. Свердловск.

Воздух в заводском цеху был густым, пропитанным запахом раскалённого металла, машинного масла и едкой, металлической стужей, которая пробирала до костей даже через ватник. Грохот прессов и визг ленточной пилы сливались в монотонный, оглушающий гул — музыку этого места.

Андрей Смелов, которому тогда было всего девятнадцать, стоял у огромного токарного станка. Его руки, сильные и уверенные, направляли резец по вращающейся стальной заготовке. Движения были отточенными, механическими. Он

мог делать это с закрытыми глазами.

— Смелов! — рявкнул мастер, проходя мимо. — Опять ворон считаешь? Смотри, брак пустишь — с зарплаты вычту!

Андрей ничего не ответил. Он не «считал ворон». Он смотрел на стальную стружку, которая ровным серпантином сползала из-под резца. В её холодном, мертвенном блеске он видел не просто металл. Он видел горы.

Он вырос в этом сером, дымном городе. Его будущее было расписано на десять лет вперёд: ФЗУ, завод, смена у станка, комната в общежитии, дешёвая водка по выходным. А потом — ранняя пенсия с больными лёгкими и пустым взглядом.

Но у Андрея была тайна.

В его тумбочке в общежитии, под стопкой застиранных маек, лежала папка. В ней были не чертежи и не фотографии девушек. Там были карты. Карты Уральских гор, Кавказа, Алтая. И вырезка из журнала «Вокруг света» с фотографией двуглавой вершины Эльбруса.

Он никогда никому об этом не говорил. Кроме лучшего друга. Это была их мечта — хрупкая, как первый лёд на пруду. Мечта о чистом воздухе, о тишине, которую нарушает только хруст снега под ногами и вой ветра в скалах.

А потом случилась трагедия.

Зимой того же года его лучший друг, с которым они вместе мечтали о походах, погиб. Несчастный случай на том же самом заводе. Сорвавшаяся заготовка. Мгновенная смерть.

На похоронах Андрей стоял в толпе рабочих и смотрел на закрытый гроб. В голове была только одна мысль: «Ты ушёл, с мечтой. Я не сгнию у этого чёртового станка.»

В тот же вечер он забрал документы из профкома на получение путёвки в альплагерь «Безенги» на Кавказе. Это был его шанс. Его побег.

Прошло пять лет.

Андрей больше не стоял у станка в Свердловске. Теперь он жил в Пятигорске и работал спасателем на склонах Чегета. Он знал каждую трещину на этих скалах, каждый опасный выступ.

Он сидел в маленькой сторожке у подножия горы и чинил крепление на старом лыжном ботинке. За окном мела метель. Зима выдалась снежной.

Дверь скрипнула, и в проёме показалась голова Сергея — его вечного напарника и полной противоположности.

— Андрюх! Там группа туристов из Москвы зарегистрировалась! Говорят, хотят на «закрытый» маршрут!

Андрей отложил ботинок и посмотрел на друга. Сергей был шумным, жизнерадостным парнем, для которого горы были лишь декорацией для приключений.

— А что за маршрут?

— Ибрагим ведёт их через северный склон Чегета. Говорит, там «места силы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.